

Записки

путешественник

Вышеславцев

ГОН-КОНГ

«Гон-конг» — произведение русского врача и путешественника А. В. Вышеславцева (1831–1888).

Основной особенностью Гонконга, по мнению автора, является контраст между жизнью привилегированных слоев населения и простых крестьян.

Вышеславцев — искусствовед, совершивший кругосветное путешествие в качестве судового врача.

А.В.Вышеславцев

ГОН-КОНГ

ГЛАВА I

23 июля 1858 года мы снялись с Сингапурского рейда, и тихо шумя парами, оставляли за собою красивые клиперы и вместительные, крутобокие суда купцов. Последнее судно было американское: *Lobelia*: рангоутом своим упиралось оно чуть не в облака; мы долго любовались им. Скоро скрылся из виду Сингапур, но вдали все еще тянулись острова; наконец, выйдя на верх еще раз, я уже ничего не видал, кроме неба и моря. В первые три дня сопровождали нас беспрестанные шквалы, сильные, продолжительные с ослепляющею молнией и громом. Ими угощал нас Сиамский залив; но когда мы прошли его, ветер подул ровный, зюд и зюд-ост муссон. Мы шли средним ходом; днем парило, к вечеру небо разрисовывалось чудными узорами, яркими волшебными красками, которыми пышет закат здешнего солнца. Синева небосклона сияла изумрудным блеском; далеко и слабо мерцал уже покидавший нас Южный Крест; увидели и новую луну; она как будто полулежала. «Ну, слава Богу, говорили некоторые, дойдем счастливо: луна стоит,

матрос лежит». «Где же она стоит?» возражали другие. «Конечно, больше стоит чем лежит». И вот возгорается об этом спор, потому что все уже успели переговорить друг с другом обо всем, и подобный спорный пункт служит для всех единственным развлечением.

Раз как-то солнце, всегда великолепное, захотело, кажется, пощеголять перед нами, и разлило по всему небу и облакам такой ослепительный огненный свет, что мы смотрели на этот волшебный закат как на какое-нибудь особенное явление. Долго солнце как будто купалось в пламени и блеске. Каждое отдаленное облачко принимало участие в этой великолепной игре, краснея и пылая каждым, чуть заметным изгибом своим, каждым очертанием. Небесная лазурь пробивалась сквозь пурпур изумрудными полосами; ближайšie к солнцу облака убирались огненную бахромой. Не перед ураганом ли? У Горстбурга сказано, что часто урагану предшествует какое-нибудь особенное явление, странный цвет неба или воды, или что-нибудь подобное.

Перед ураганом бывает всегда такая духота и тоска, что не знаешь куда деваться; зверь и птица прячутся; а теперь, во-первых, не душно, во-вторых я далек от всякой тоски, когда чем-нибудь восхищаюсь, и, в-третьих, макаки наши и не

думают прятаться и забиваться в норы.

Не прошло и получаса, как один ипохондрический товарищ уже спрашивал меня: не чувствую ли я особенной тоски?

Из Тонкинского залива ждали мы, по Горстбургу же (а Горстбург для моряка тоже, что Коран для мусульманина), норд-веста; но и на этот раз Горстбург был неправ; попутный ветер не оставлял нас. На Макельсфильдовой банке мы ложились в дрейф и бросали лот; лот показал глубину в 45 сажений (как и значилось по карте); концом своим вырвал он кусок коралла со дна морского и вынес его на свет Божий. Подходя к берегу, мы убавили ход до двух узлов, чтобы ночью не проходить между островами. Берег показался, как всегда, неясными группами, частью теряющимися в тумане и облаках. Несколько островов поднимались холмами, едва виднеясь. Миль за тридцать до берега встретила нас китайская джонка с рогожным парусом, и высадила к нам лоцмана, курносого Китайца в нанковой куртке, с отвислыми губами, с косою, обвивавшею два раза его обритуую голову. Тихо пробирались мы между островами; берега были голы, холмисты; едва зеленевшая трава покрывала их неровности. Ущелья разветвлялись овражками и ручейками. у самой воды виднелись пещеры, мрачные, глубокие; таинственный мрак их отражался в плескавшемся

над их сводом прибое, и эхо разносило эти звуки глухим, мерно прерывавшимся шумом. На этих холмах печать какой-то неоконченности; тени и свет ложатся на них ровными массами, образуя строгий рисунок твердой руки, но рисунок без оконченных подробностей, без отчетливо-выработанных мелочей. Вот солнце осветило остров. С одной стороны ложится тень, с другой — ровно, гладко, не то что на каких-нибудь из Зондских островов, где бесчисленные неровности, долины, деревья, заливы и бухты не дадут простора для тени. Там столько оттенков, переливов, случайностей; там тоже рисунок, но рисунок миниатюриста на фарфоре или слоновой кости; там каждая ветка, каждая травка, рельефно выступает своими резко-очерченными контурами; ни один камень не выйдет наружу в своей наготе, но кокетливо уберется зеленью, и над ним вырастет роскошное ветвистое дерево, и нежит его под своею тенью. А здесь, если берег оборвался, то и желтеет обрыв так как он есть, не думая прикрыться; выступил камень, и лежит он себе, греясь на солнце и отражаясь в воде тем же голым, сероватым куском. Местами домики, с немногими деревьями, смотрели веселыми оазисами среди этой пустыни. Мы вошли в проход, шириной не больше двухсот сажень, между островом Гон-Конгом и несколькими другими островами. По берегам

желтые обрывы виднелись чаще, местами они были краснее, местами темнее; над ними был все тот же ковер тусклой зелени, поднимавшийся на холмы и неровности. Эти желтые обрывы — каменоломни; во многих видны следы отделенного пластами камня (гранита). Построенные вблизи домики и снующие джонки с своими рогожными парусами иногда бывают живописны, а иногда очень бесцветны, смотря по тому, какой местности служат украшением. Тростниковая хижина, прикрытая пизангом и пальмой, очень хороша; но поставьте ее у желтой каменоломни, и она исчезнет. В одной бухте столпилось больше ста джонок. Бамбуковые шесты, мачты, паруса, один в лохмотьях, Другие с лучеобразными древками, разделяющими их на четыре части; хижины на берегу, песок, камень, полуголые Китайцы: — все это рябило, двигалось и отражалось в тихо-плескавшемся заливе.

Обогнув один из мысков, мы увидели город Викторию и лес мачт от судов, стоявших на рейде. Город расположился амфитеатром по склону горы, более возвышенной нежели другие; справа горы, прямо опять горы, сзади то же. Рейд смотрит широким неподвижным озером; туда не залетит ни вихрь, ни муссон, чтобы освежить эти каменные дикие стены. Город начинается большими зданиями, точно дворцами. Дворцы же с портиками

и колоннадами возвышаются на выдающихся местах, дворцы смотрятся у пристани в неподвижную гладь рейда, кишашего тысячью лодок и судов, всевозможных величин и видов. Спешу сказать: шестнадцать лет тому назад нога Европейца в первый раз ступила на этот дикий, необитаемый остров, и вот, точно ударом волшебного жезла, выросли из его камней дворцы, готические башни, сады, обхватившие роскошною, благоухающею зеленью выступающие террасы, спускаясь густыми массами в ущелья и расплетаясь зелеными лентами по веселым бульварам и скверам. Выросли магазины, фабрики; флаги всевозможных наций развеваются на высоких мачтах; каменные водопроводы освежают и очищают улицы. На рейде есть уже несколько ветеранов-блокшивов, инвалидных военных кораблей; под деревянными навесами, они оканчивают свой век, между тем как новое поколение, фрегаты и клиперы, суетятся около них, стучат своими винтами, наполняют воздух черными струями дыма, свистят и действуют. Поминутно пристают легкие канонерки; речные пароходы, с целыми домами на палубе, приходят и уходят; китайские джонки везут груз на купеческие суда; между ними мелькают грациозные гички, тапка, сатрап, или, как мы их называем, шампанки, точно плавучие, рогожные возки. Каждый такой возок —

целый дом. Китаец рождается в нем; младенчество свое проводит он, привязанный к спине матери, гребущей кормовым веслом, плачет и надоедает всем своим криком, потом помогает матери, и наконец навькает грести сам и управлять своею ладьей. В этих шампанках все хозяйство Китайца; они сделаны очень отчетливо и часто из очень хорошего дерева; палуба, чистая и выполированная будто мебель, местами прикрыта красивою циновкой. Две-три кибитки, сплетенные из тростника и покрытые рогожками, составляют постоянный навес; средняя кибитка выше крайних; в отверстие постоянно проходит воздух, и в это же отверстие часто выглядывает голова хозяйки, с самую затейливую куафьюрой, с узкими, лукавыми глазами, — а иногда на длинном бамбуковом шесте выставляется вымытое белье для просушки. В кормовой части горит огонек и варится рис; там же скамеечка, шкафчик с домашними божками, перед которыми курится sat-choi (особенное благоухание). Тут-то, усевшись вокруг двух-трех фарфоровых чашечек с вареным рисом, тыквой, мелкою рыбой или шримпсами (креветки), и действуя двумя палочками, медленно совершает китайская семья свою мирную трапезу. Поест немного и подождать, точь-в-точь наши извозчики, усевшиеся около братского котла: захватит ложкою щей, наберет в рот хлеба и положит ложку на стол.

На этих лодках распоряжаются большею частью женщины, Мужчины работают на берегу, а жены очень ловко управляют веслом и рулем, исправно ведут свои плавучие дела. Иногда на такой лодке целая лавка Фруктами и всевозможными вещами китайского изделия, игрушками, веерами и пр. На этих же лодках приезжают прачки, которые все не слишком нравственного поведения, и все очень смелы, не прошенные являются они в каюту и не прочь от самых выразительных жестов. Первые Китайки, которых мы видели, были прачки, и дальнейшие наблюдения подтвердили первое впечатление. Китайки вообще небольшого роста, с головами удлинненными назад странную прической, не лишенную впрочем своего рода шика, в кофтах, с короткими, но широкими отдувшимися рукавчиками, в широких панталонах и с маленькими ножками. В общем они представляют смешную, коротенькую фигуру с огромною головой и с нетвердою, переваливающеюся поступью. Это также своего рода шик: китайская женщина не должна уметь ходить (может быть для того, чтобы не бегать от мужа); хотя здесь, в южных провинциях, кажется, не в употреблении обычай ломания ног, по крайней мере между простым народом, но все-таки против моды не в силах устоять самая либеральная женская партия.

Здесь женщины смотрят совершенно эмансипированными; нет и следа стыдливости и женственности. Они корыстолюбивы, большие хозяйки и чистоплотны, ни у одной не увидите не вымытых рук или ног. Девушки носят сзади косы, иногда распущенные, иногда заплетенные; спереди прядь волос зачесывается на лоб и обрезывается ровно над глазами; перпендикулярный к нашему пробор отделяет эту прядь волос от косы. Часто девушка сидит на носу своей лодки и гребет легким веслом. Поджав одну ногу под себя, а другою опираясь в деревянную уключину, обнажив круглые руки, не лишённые мягкости и благородства в своих формах, и закинув назад свою молодую головку с распущенною косой, девушка заставит художника невольно засмотреться на нее. Сделавшись женщиной, она уничтожает передний вихор, делает пробор по середине и мажет косу каким-то густым составом, так что волос может стоять, как деревянный: широким кольцом сгибает она сзади всю массу волос, укрепив ее кольцами, длинною спицей с бусами и разными другими украшениями. Все это затейливо, неловко, неудобно и некрасиво, но оригинально; к некоторым лицам, пожалуй, и идет эта прическа. Но что к хорошенькому личику не пойдет? Красота Китаянок также оригинальна. Вообразить себе красавицу с выдающимися скулами и узкими

глазенками, которые двумя линиями расходятся в разные стороны кверху, с маленьким приплюснутым носом и с широким, большим ртом, при коричнево-маслянистом цвете лица. Все это, напротив, больше чем некрасиво; но иногда вы встречаете глаза, которые щурятся с таким сладострастным лукавством, большой рот смеется так открыто и грациозно, щеки пышат свежестью, в движениях природное изящество, и вы засматриваетесь на некрасивую Китайку! Впрочем, сердце человеческое как струнный инструмент: от моря портится, и струны часто издают звуки фальшивые.

Мы бросили якорь; корвет отсалютовал своими двадцатью одним выстрелом английскому флагу и девятью командорскому; нас окружили шлюпки; через борт полезли, как тараканы, Китайцы и Китайки; у многих были свидетельства от бывших прежде здесь русских судов; прачки явились даже и в кают-компаниях, и одна из них, маленькая, узкоглазая, с плутовским взглядом, очень бойко распорядилась у нас: дергала за руки, усаживалась на диван, двусмысленно улыбалась, и так успела всех очаровать, что мы ей тут же, именно ей, отдали свое белье; другая, высокая, в синей кофте, сердито смотрела на первую и, казалось, была готова, если не растерзать, то по крайней мере прибить ее. Вместе с Китайцами

явился какой-то господин в поношенном пальто и с физиономией, украшенной угрями и прыщами. Он отрекомендовался как Русский, хотя говорил не совсем правильным русским языком. «Как вы попали сюда?» спрашивали мы его. «Это длинная история», уклончиво отвечал он, смотря куда-то в пространство, как будто боясь смотреть в глаза прямо. В его взгляде было то, что Французы называют *louché*. «Я родом из Тулы, сказал он, ехал с чужими деньгами в Лебединь, и у меня эти деньги украли. Заплатить было нечем, показаться совестно, и я бежал из России. Слышал я, что в Австралии много золота, что оно там на улицах валяется; я отправился туда на английском судне. Но и там золото не достается даром. Теперь я живу здесь и занимаюсь часовым мастерством». Вот в коротких словах его рассказ. Он просил, чтобы мы его взяли на Амур. Командор корвета обещал; но когда у него спросили, какой он покажет вид, если у него спросят в Николаевске, то он куда-то скрылся и больше не являлся.

День клонился к вечеру; было жарко; спертый со всех сторон горами, воздух полон был электричеством. По берегу, у города, тянулись целые вереницы джонок; часто раздавался оттуда не гармонический звук гонга, точно палкой колотили по железному листу. Мы с клипера любовались китайскою флотилией; иногда мимо

кормы проходила тяжелая джонка, народ толпился на ее палубе; на трех мачтах, смотрящих в разные стороны и украшенных или флагами, или тоненькими жердями, висели веерообразные рогожные паруса. От каждого рейка, пришитого на парусе, шли веревки (брасы), и их все вместе держал в руках, как опытный кучер держит вожжи четверни, какой-нибудь полуголый Китаец. А на палубе крыша на крыше, рогожа на рогоже, и множество шалашей. Вся эта тяжелая масса однако ловко лавировала, парус послушно поворачивался вокруг мачты, длинное весло, вместо руля, твердою рукой приводилось в движение с высокой, поднятой кверху кормы. Обыкновенно за такую джонкой следовало несколько маленьких лодок и лодочек. Паруса иногда были новы, иногда же дыра на дыре, заплате на заплате, так что мы невольно удивлялись и спрашивали: во что же ветер дует?

Смерклось, город заблестал тысячью огнями; очертания зданий исчезли в общей массе горы. Из мрака вырывались только яркие звездочки и их продолговатые отражения в тихой, спокойной воде. По шлюпкам можно было заметить какие-то летающие огни и непродолжительный резкий звук, точно беглый огонь ружейной пальбы; это Китайцы делали чин-чин. Но об этом после.

В воздухе было так душно, что надо было ждать грозы; и действительно, с наступлением

вечера заблестала яркая зарница на горизонте; черные тучи сходились, сплывались, и грохотали глухим громом. Около полуночи разразилась настоящая гроза. Но мы были уже коротко знакомы с здешними грозами и не смущались ослепительною молнией и страшным громом. Один только раз, когда молния ударила около нашего клипера, мы на несколько секунд ослепли, точно тысяча орудий залпом грянули у самого уха. А мы как нарочно расположились спать наверху: дождь промочил нас до костей.

29 августа 1842 года, по Нанкинскому трактату, Китайцы уступили Англичанам остров Гон-Конг, или Neang-Keang (остров сладких потоков). На острове, кроме небольшой деревеньки, не было ничего. Он один из больших островов, находящихся при устье Чу-Кианга, и имеет в длину восемь миль, в ширину в иных местах три, а в иных шесть миль. Берега его изрезаны бухтами и мысами. Остров горист и обрывист у берегов, и изборужден бесчисленными оврагами, которые наполнены громадными обломками; обломки эти или смыты дождевою водой, или упали в доисторическую эпоху с вершин гор. Овраги богаты водой, и этому обязан остров своим благозвучным именем. Во время дождей, потоки, сдерживаемые гранатами, собираются в озера; озера выступают из берегов, и с невыразимою

быстротой, падают с гор и скал. В 1845 году, один из таких потоков чуть не смыл города Виктории, произведя страшные опустошения. Самая большая долина на острове — Ванг-не-Чонг, что значит Счастливая Долина. Она в двух милях от города; в ней однако не больше десяти десятин. Сперва Китайцы возделывали на ней рис, но почва, разрыхляясь от постоянной ирригации, грозила превратиться в гнездо заразительных миазмов. Возделывание риса запрещено на целом острове, все подозрительные места высушены, чтобы предупредить злокачественную лихорадку, сразившую в первые годы занятия острова много Европейцев. Теперь на Счастливой Долине английские спортсмены, при виде своих скакунов, забывают о распространившемся кладбище, выросшем в недавнее время. Там два памятника невольно останавливают внимание; на одном вырезано имя майор Поттингер (major Pottinger), на другом имя Мориссона, сына знаменитого доктора, которого пилюли пользуются таким почетом у наших барынь.

Климат Гон-Конга не может назваться приятным. Он равно нездоров, как для Европейца, так и для Китайца. В июле и августе (самые жаркие месяцы) maximum температуры + 94° по Фаренгейту, и minimum + 80. Разница дневной и ночной температуры 10°. Воздух так сух, что едва

можно дышать, и вовсе нет тени, которая бы умеряла силу падающих перпендикулярно солнечных лучей. Все путешественники согласны, что даже и под экватором луч солнца не имеет той силы и пронизательности, как здесь. Недостаток растений, умеряющих рефлексию солнечного сияния, голые скалы и горы, закрывающие залив от всех муссонов, вот главные причины нездорового климата. Ни с чем не приходилось Англичанам так упорно бороться, при занятии этого острова, как с дурными гигиеническими условиями. В 1843 году часть войск была переведена в местечко Вест-Пойнт (West-Point), казавшееся более благоприятным для здоровья; но и оно сделалось могилой для большей части войск. Лорд Сальтон (Saltoun), тогдашний губернатор, принужден был перенести казармы в другое место, а медики советовали совсем оставить остров. Самая убыль гранита, шедшего на постройку города, усиливала массу неблагоприятных обстоятельств. Совпадение эпидемических лихорадок с убылью гранита часто бывало замечено. Наконец возложили надежды на южную сторону острова, как более открытую юго-западным муссонам, однако и это оказалось неверным: войска, стоявшие в Абердине, еще более пострадали нежели те, которые были в Виктории.

Но Англичане не останавливались. Порох рвал гранитные скалы; обломки их, обточенные и

сглаженные, складывались в капитальные здания. Скоро вытянулась улица у самого моря, и китайские домики, как мухи, облепили ее с восточной стороны. Две купеческие фамилии, напоминающие богатством и влиянием своим прежних венецианских и генуэзских аристократов, Джардин и Матесон (Jardine and Matheson), строили город с западного конца, прозванного по имени своих основателей, между тем как весь город назван именем королевы. Город начал взбираться на гору, и столько было веры в блестящую будущность Гон-Конга, что страшная цена набивалась конкуренцией на эти песчаные и каменистые клочки земли. Это объясняется удобным положением острова. Находясь в семидесяти милях от Кантона, Гон-Конг владеет устьем Чу-Кианга. Правительство не могло избрать лучшего стратегического пункта. Вместе с тем думали, что английские капиталы привлекут сюда и всю торговлю Китая с Европой; в этом однако ошиблись. Ни один из китайских капиталистов не хотел переселиться в Гон-Конг; их не соблазняла безграничная свобода торговли; она и теперь шла бы через Кантон, если бы не военное время.

Против неприятных гигиенических условий были приняты все меры, требуемые и филантропией, и чистым расчетом, и результаты оказались удовлетворительными. Я уже упоминал о

высушке низменных мест, о запрещении на всем острове возделывать рис. Около казарм и домов негоциантов разведены обширные сады, которые с каждым годом разрастаются. При горных потоках устроены сдерживающие их плотины, а водопроводы уносят воду в море. Наблюдения показали, что болезненность была более развита между солдатами нежели между торговым народом; но генерал Джервойс (Jervois) понял, как много значит занятие делом, мало интересующим человека. Он сделал много своим гуманным обращением; дал солдатам больше свободы, смягчил, на сколько можно было, дисциплину, улучшил пищу, и поместил их просторнее; во время скуки и бездействия, он старался, чем и как мог, занимать их и доставлял им различные развлечения. Вообще теперь, можно сказать, Гон-Конг с каждым годом теряет свою репутацию нездорового места, и становится в общий уровень с другими местами, находящимися у тропиков.

В Гон-Конге много дикорастущих цветов. Ихора *soccinea* и лиловый цветок *Chirita chinensis* часто украшают дикие обрывы; разноцветные *Lagerstromia* пестрят берега и долины. Замечательно, что красивейшие растения в Гон-Конге растут на горах, на высоте 2.000 Фут. В северных провинциях Китая, равно и в Чусане, те же растения, по замечанию некоторых ботаников,

находятся гораздо ниже. Многие виды азалеи покрывают обрывы скал в 1.500 ф. вышиной, также как и красивейшее из здешних растений *Euryanthus reticulatus*, так любимое Китайцами. Оно цветет в феврале и марте, около китайского нового года. Китайцы ветвями его украшают свои дома. Сорванные бутоны распускаются в воде и сохраняют до двух недель всю свежесть и красоту. Из этих горных цветов дети составляют красивые букеты и продают их за грошовую цену. Впрочем, с нас брали по шиллингу. Из деревьев самое обыкновенное китайская сосна (*Pinus sinensis*), сальное дерево (плодов его ни на что не употребляют), различные виды *ficus*, наконец всевозможные виды бамбука, легкая зелень которого составляет красоту китайского ландшафта. Фруктовые деревья: манго, *leechee*, *longan*, *wangree*, апельсины, лимоны, гранаты и бананы. Их плодами завалены тесные китайские рынки. Но покамест довольно. После скажу несколько слов о торговле и других более серьезных сторонах этой английской колонии, а теперь буду описывать свои впечатления.

На другой день, когда жар несколько спал, мы съехали на берег, я и К. У каменной пристани толпилось несколько шлюпок, так что надо было проталкиваться. Китайки с лукавою улыбкой смотрели на нас из своих плавучих кибиток. У

самого берега шла широкая улица, вся застроенная громадными купеческими домами. Прямо против пристани еще желтел обделываемый обрыв, и крутые подъемы вели на холмы и террасы. Часто, вместо поперечных улиц, шли крутые каменные лестницы с бесконечным числом ступенек.

Первая улица была, очевидно, капитальной улицей города; вот мы и пошли по ней. Европейские дома, необыкновенно высокие, обнесены со всех сторон каменными верандами; часто тянулись огромные здания с высокими оградами, с портиками, колоннадами. Около одного из таких зданий разрастался красивыми деревьями молодой сад: это казармы, которых здесь много; они-то смотрят издали великолепными дворцами. Вообще, дома здесь не прячутся в зелени, как в Сингапуре, а гордо высятся своими серыми, массивными стенами на террасах и уступах. Так как город выстроен амфитеатром по склону горы, то дом, кажется, стоит над домом, и виден весь со своим фундаментом и палисадом. Много домов еще строится. До закладки фундамента выводят легкое строение из бамбуковых жердей, как будто клетку для какой-нибудь баснословной птицы; над клеткой делают высокую тростниковую крышу, дающую постоянную тень рабочим, и под этим импровизированным павильоном начинают уже правильную стройку. Эти клетки служат также

основанием для лесов, и приводят в недоумение видящего их в первый раз. Скоро по нашей дороге европейские дома прекратились, и потянулся ряд низких китайских домиков с лавками, мастерскими, цирюльнями, кумирнями, вывесками, старухами, Китайцами, словом, со всем тем, что мы видели в китайском квартале Сингапура. Одна была разница: в Сингапуре не видно женщин, а здесь их столько, что ими по русской поговорке, хоть забор подпирай, или пруд пруди. Вот идет их целая толпа; впереди коротконогая фигурка, с рукавами на отлете, с косой, изогнувшеюся сзади громадным колесом, блистающим кольцами и бусами. Она семенит своими крохотными ножками, на которых болтаются широкие складки коротких панталон. Передняя что-то скрипит на своем мудреном наречии, и, как видно, она колонновожатый всей толпы. Почти на всех ярко-синие кофты. А вот другая группа, которая тоже не встречалась в Сингапуре. Шесть Китайцев, с связанными вместе в один узел косами, и при них один полицейский. Видно не даром. Если они что-нибудь украли, то наденут им страшно тяжелые цепи на руки и на ноги и выгонят на тропическое солнце ломать камни, копать землю, и не скоро освободятся они от этого беспокойного убора. А если сделали что-нибудь похуже, — придушили, например, какого-нибудь беззащитного негоцианта, — то и с

ними не задумаются сделать то же самое.

В Гон-Конге всякая вина Китайца виновата, да иначе городу Виктории нельзя было бы и существовать. Все китайское народонаселение состоит из нищих, бродяг и мелких прожектеров: они лавочники, слуги, носильщики; поэтому нигде нет более строгой и бдительной полиции. Как только начинает смеркаться, на каждом углу зажигается фонарь, и бесчисленные полисмены, с заряженными карабинами и пистолетами, являются на улицах. Ни один Европейец не пойдет за город без оружия. Еще до настоящей войны, как Гон-Конг, так и Макао и европейский квартал в Кантоне, не были совершенно безопасны. Либеральные мандарины южных провинций Небесной Империи не хотят знать трактатов империалистов с Европейцами: в душе их только ненависть и преследование. Говорят, будто в эту ненависть они не включают Русских; но этому трудно верить: достаточно быть Европейцем, чтобы в Китае быть отравленным или зарезанным, особенно если кто не силен и безоружен.

Несколько раз пытались они открытою силою свергнуть власть пришельцев; но восстания их (как например в Макао) не удавались. Многие кровавые эпизоды ясно изобличили враждебное чувство; стоит только вспомнить убийство Амаралья. Бомбардирование Кантона и занятие его